

И.Г. Фишман

Что не делать?

О методологически правильной постановке извечного вопроса

Введение. История вопроса

1. Антропософский метод и методология
  2. СМД-методология и Антропософия
  3. Методология и стратегия
  4. Где мы находимся?
  5. Куда наступать?
  6. Методологическое обеспечение моральной техники
  7. Стратегирование жизни
- Заключение
Литература
Приложение

Введение. История вопроса

Чтобы соблюсти историческую справедливость, стоит восстановить, при каких обстоятельствах и кто первый обнаружил подвох в столь естественно возникающем и, казалось бы, обыденном вопросе. Для этого нужно вернуться в уже ставшее таким далеким недавнее прошлое - конец восьмидесятых прошлого столетия, когда в Одессе еще в святой наивности происходило зарождение антропософского общества. Административные функционеры еще не проложили себе дорогу к неискушенным сердцам ищущих духовного познания, а делу помогали подлинные искренние друзья из Москвы (например, ныне покойный Буторин и Игорь Добровольский), имевшие в Одессу более-менее регулярные визиты.

И вот наступает тот всегда трагический, но неизбежный в судьбе любого зарождающегося антропософского общества момент, когда вначале замечается и затем все больше осознается вопиющее несоответствие между Антропософией как духовным течением и антропософским официозом. Также нужно учесть, что это происходило на фоне стремительного распада привычного уклада жизни, нарастающей катастрофы в цивилизационном масштабе и очевидного inferнального затопления человеческого мира чем-то ужасным и безжалостным. И конечно, по отношению к этому Антропософия виделась единственным упованием и лекарством.

Разумеется, время лишь подтвердило, что другого лекарства не нашлось. Да и в принципе быть не может, ибо спасение не может придти иначе, чем через свободное воление **человека**, наукой и практикой чего и является Антропософия; но отнюдь не соответствующее всемирное административное учреждение, тем более, клика, захватившая Дорнахский холм.

Сейчас это как-то само собой разумеется, но тогда, на заре антропософской юности, это вызвало шок. И он нашел свое выражение в вопросе, который вырвался из душ небольшой группы людей (ощувавших себя активом антропософского движения), собравшихся на очередную встречу с Игорем Добровольским.

Нет нужды говорить о том, какое счастье, что Антропософия, как говорил поэт, "обернулась вначале нарядной своей стороной...". Гость из Москвы, в полном соответствии со своей фамилией, первый возвестил удивленным слушателям основополагающее значение "Философии свободы", да и сам являл образец попытки ее воплощения в своей повседневной жизни. Нужно отметить, что его ответы на наши вопросы всегда были не просто нетривиальными - абсолютно непредсказуемыми.

И вот, услышав от собравшихся людей наполненное тревогой и беспокойством за будущее: ЧТО ДЕЛАТЬ?, он, как и обычно, вместо того, чтобы непосредственно отвечать на вопрос, начал вскрывать его коварную подоплеку. Он обратил внимание, что с этим вопросом уже связана целая традиция, которая фактически взорвала патриархальный мир. Сначала она породила утопическое (вроде безобидное!) одноименное произведение Чернышевского, а затем и уже несущее в себе запах крови произведение Ленина с тем же названием.

Это был первый урок методологии, начинающейся с гетевского: "обдумай ЧТО?, но более обдумай КАК?".

Оказалось, что ложная и даже губительная постановка вопроса ЧТО ДЕЛАТЬ? заключалась в том, что он обычно является выражением судорожного, инстинктивного и нерелективного поиска спасения в какой-либо бедственной ситуации. Но тогда все, что будет в этом духе воспринято как руководство к действию, неизбежно приведет лишь к усугублению ситуации, ибо является внутренним продолжением в несвободной воле человека импульсов **тех самых** внешних сил, которые эту бедственную ситуацию и создали. Апофеозом их торжества становится момент, когда, ослепленный отчаянием, судорожно пытаюсь *хоть что-то делать*, человек последний гвоздь в свой гроб заколотит сам.

Впрочем, иного и невозможно: всей мощи inferнальных сил не хватит, чтобы просто так вот взять и уничтожить необолваненного свободного человека с незаглушенной Божьей искрой. И только **сам** человек выносит окончательный приговор самому себе. При этом Ариман, для того чтобы манипулировать сознанием людей, подбирает соответствующих *писателей*, способных спровоцировать ЧТО ДЕЛАТЬ? - иначе он, может, и в голову не придет.

Поскольку данная статья рассматривается не как художественное произведение, а как приглашение к обсуждению (ее можно даже рассматривать как брошенную перчатку, вызов на *исторический диалог*), то далее основное содержание будет представлено лишь тезисно. А за каждым тезисом (как в Windows) может быть раскрыто свое содержание - если об этом пойдет разговор - и так сколь угодно глубоко.

1. Антропософский метод и Методология

В духе "Философии свободы" необходим совсем другой вопрос (вернее, последовательность вопросов), чтобы действительно перехватить инициативу и уже не бороться за выживание, а тем более, не бороться со злом. Тогда беда пресуществляется в благо, а зло откроется *как не на месте оказавшееся добро*.

Тогда оно охотно сложит оружие и пресуществится в духе манихейского учения *в еще большее добро*, ибо для него это есть спасение и самоцель, если для этого действительно *пришло время*. Ну а если не пришло? Тогда что - *дракону голову рубити?* - так звучал вопрос в самый драматический момент Пророческой Былины. Нет, никакого донкихотства! Победить дракона - значит указать ему его пределы, но об этом дальше, на своем месте.

Когда появилась известная книжка Геннадия Бондарева под тем же названием, думалось, ну наконец, злосчастный вопрос получит свое полное развенчание с той силой, убедительностью и глубиной, на которую кроме Геннадия

Александровича вряд ли кто способен. Но, хотя в этой книге (как и во всех его других книгах) было сделано нечто бесконечно важное - в очередной раз возведен, раскрыт и углублен *антропософский метод*, тем не менее, сам коварный вопрос удивительным образом просочился сквозь строжайшую самоцензуру автора и сохранил свою легитимность. Также встречается эта постановка вопроса и в его позднейших произведениях, например, что, возможно, искажает осознание значения метода в Антропософии и делает эту тему герметичной для большинства его читателей.

Ведь именно в связи с методологией предлагает автор **свой** ответ на *вечный* вопрос: "ну, ясно, что делать! Овладевать методологией и с помощью нее углубить изучение Духовной науки; и тогда можно будет основать свободную духовную жизнь в ВАО, которое благодаря этому начнет исцеляться и сможет способствовать освобождению духовной жизни в мире - как первый, намеченный Доктором шаг к трехчленному социальному организму".

Вроде да, с этим можно только согласиться, принять и поддержать. Но уж как-то абстрактно и нереалистично звучит ответ. Да и сама методология в контексте критики руководства ВАО вместо самодостаточного значения обретает ложный личностный флер диссидентства в антропософском сообществе, *слишком человеческой* борьбы за справедливость.

Не потому ли по сей момент выдающиеся антропософские, нет, смотри шире(!), философские, историософские и социокультурные произведения Г. Бондарева (например) не стали достоянием не только всей цивилизации, но и большинства антропософов? Сегодня человек с канистрой бензина на Красной площади или под Статуей свободы не только не привлечет к себе ничего внимания, но и мгновенно всех от себя оттолкнет.

Чтобы как-то выходить из этого тупика, прежде всего, стоит разобраться с терминологией. Строго говоря, то, что возвещает Г.Бондарев, нельзя назвать Методологией (наукой о методе) в ее исконном смысле. В его произведениях мы вовсе не встречаем учения о методе как такового, но имеем обширнейшее исследование **антропософского метода**. Он включает в себя гетеанизм, антропософскую (беспредпосылочную) гносеологию (заложенную Доктором уже в его диссертации, а также, и мн. др.), учение о семичленной метаморфозе, основы теории мышления и теории деятельности (прежде всего в "Философии свободы"), и, конечно, методики сверхчувственного восприятия.

Методология в ее изначальном до-антропософском смысле этим еще никак не основана, хотя автор постоянно употребляет это слово и даже успокаивает недоумевающего читателя: "да не смутит читателя, заметим еще раз, тривиальное звучание этого слова. Его можно заменить и другим - *методо-софией*, но к нему сначала нужно привыкнуть". Вот уж с чем совсем нельзя согласиться. Уже просто по понятию не может *логия* и *софия* быть одним и тем же. Но это говорит лишь об одном: несмотря на фундаментальное, исчерпывающее, не побоимся даже сказать гениальное изложение антропософского метода, здесь вообще не представлено **понятие** Методологии и тем более Методософии.

Антропософия, как и любая другая область сознательной деятельности человека, требует наличия в своей основе *методической работы*. Для солидности (иначе это не объяснишь) ее так хочется называть **методологической**, но ничего кроме заблуждений, недоразумений и проблем, связанных с непониманием (или вообще непониманием) значения и места Методологии это не принесет.

Методология - это обеспечение максимальной осознанности *любой* деятельности, *деятельности* в принципе. Гарантом осознанности является беспредпосылочность, поскольку если что-то принимается в качестве предпосылки, то это значит, что в высшем аристотелевском смысле эта предпосылка не прошла через *полное растворение в чистом мышлении*, что оставляет вопрос о ее истинности и закрывает вопрос о свободе, если исходить из таких предпосылок.

Одним словом, здесь вступает в силу вся аргументация "Философии свободы". И Доктор особо подчеркивал огромную важность того, что она не опирается на духовный опыт, а наоборот, предшествует ему и обосновывает его.

Но и "Философия свободы" еще не есть Методология, а только начала ее. И Доктор неоднократно говорил, что эта работа еще предстоит. Подчеркнем: работа в чистом мышлении без ссылок на результаты Духовной науки. Как только мы покидаем сферу чистого мышления и пользуемся даже безупречными данными духовного опыта, мы выходим за пределы Методологии и входим в сферу разработки антропософского метода или методики Антропософии. Антропософия же, в свою очередь, может выступить универсальным методом и по отношению ко всем остальным наукам.

Путаницу здесь вносит болтовня ученых о всеобщей методологии науки, которые пытаются найти общие черты между методами различных наук. Проводятся философские междисциплинарные семинары, которые самовлюбленно называют методологическими. Но аристотелевской беспредпосылочности здесь очень мало, "зато" вводит в заблуждение антропософскую братию.

Доктор придавал этому огромное значение и хотел, чтобы побольше его учеников прониклись важностью этих вопросов. По-видимому, в этом, прежде всего, заключалась задача *аристотеликов* в Антропософии. Таковых оказалось немного, зато многие были втянуты в кармические войны с *платониками*.

Одна из самых значительных задач, которые стояли (и стоят!) перед антропософами - это построение сотрудничества между платониками и аристотеликами. Возможно, трагедия заключалась в том, что аристотелики ушли со своего поля (разработка антропософского метода) и стали возделывать поле платоников (непосредственное содержание Антропософии и ее практические приложения), а из этого ничего, кроме непримиримых конфликтов с ними, и не могло выйти.

Не имея должной духовной восприимчивости, они легко впадали в рассудочные спекуляции, где надо было *конкретно чувствовать*. А в практических сферах они должны были методологически обеспечить антропософскую деятельность, которая без такого обеспечения превращалась в бесконечную говорильню, о чем часто сетовал сам Доктор.

Не сделав решающего мыслительного (методологического) углубления таких понятий, как *теория* и *практика*, представители каждой стороны самодовольно говорили о себе: *я - человек практический*, а представителей другой стороны называли теоретиками и мечтателями. И невдомек было обоим, что и то, и другое нужно на своем месте; а отсутствие чего либо обрекает любую антропософскую инициативу на прозябание - несмотря на то, что за ней стоит мощь Духовных иерархий, и она могла бы быть вне конкуренции.

Принципиальным здесь является то, что воплощению ариманических инициатив помогают их хозяева - ариманические духи, которые благодаря этой помощи становятся не только хозяевами успешных дел, но также и самих людей, их осуществивших. Духовные иерархии на данном этапе развития самосознания и свободы человека отпускают штурвал и передают его людям.

Так что причина бедственного состояния всех антропософских инициатив (может, за исключением полностью выродившихся) не в том, что идея плохая, а в том, что воплощение этой идеи неконкурентоспособно по сравнению с мощной деятельностью ариманических ангелов. Но если бы человеческая деятельность была методологически обеспеченной, то все небесное воинство смогло бы в ней участвовать.

Последней попыткой основать методологию в Антропософии, причем непосредственно из антропософского импульса, данного Р.Штайнером, можно рассматривать социальную практику по основанию Кемпхилл-общин Карла Кенига и консультационную деятельность Бернарда Ливехуда. Но, во-первых, их труд и жизненный подвиг не получил должной оценки в ВАО; а во-вторых, Ливехуду (Кениг этих задач и не ставил) не удалось сделать проход из Антропософии в чистое мышление, чтобы можно было основать культурно значимые результаты **независимо** от Антропософии. Хотя его семинар, содержание которого образовало книгу "Человек в сообществе" уже "тянет" на методологический.

Но не дотягивает, ограничивается хоть и важнейшими, но всего лишь намеками о том, что с самого начала его

сознательной деятельности он ставил задачу разработать *методологическое обеспечение моральной техники* - самое таинственное место в "Философии свободы".

Но уже его ученики таких задач не ставили и просто эксплуатировали оставленное им наследство, осуществляя организационное консультирование в той мере, в какой оно позволяло им быть конкурентоспособными. Резкое усиление ариманической мощи требовало от них эквивалентных шагов в развитии Методологии, но для необученного мышления аристотелизм - это всего лишь предельные абстракции, не имеющие никакого практического значения.

Поэтому не удивительно, что с уходом Бернарда Ливехуда у его учеников и последователей начался заметный дрейф в сторону западного консалтинга и менеджмента; и во внешнем мире, несмотря на некоторые общественно значимые результаты, влияние и известность НПИ идут по убывающей.

Итак, аристотелики, действующие в рамках антропософского импульса, со своей задачей явно не справились. Тогда, возможно, что Водительствующие силы, сочтя, что души аристотеликов не готовы к встрече с платониками и к началу *исторического диалога* с ними, снова их развели по разным станам, точнее, для аристотеликов был специально основан другой стан.

Его основными отличиями является удаленность от Духовного мира и, следовательно, гораздо большая включенность в культурные и цивилизационные процессы. Теперь, когда взаимная кармическая вражда по команде "брейк!" вынужденно прекратилась, каждый стан мог спокойно (понятно, что только в смысле изоляции друг от друга, ибо внешний мир ни тем, ни другим отнюдь спокойствия не прибавлял) решать свои задачи.

Платоники - развивать Антропософию и ее приложения, а аристотелики - то, что Доктор ценил более всего в своих учениках: гносеологию, логику и философию и все, что можно получить из чистого мышления до всякого опыта - и чувственного, и сверхчувственного.

Это во всем мире проявилось в таких направлениях как системное движение, кибернетика, синергетика и т.п., а в эпицентре будущей культуры возникло учение, намного опередившее вышеперечисленные интеллектуальные течения, и получившее название Системо-мыследеятельностная методология (СМД-методология). Ее основал в рамках Московского Логического (а потом Методологического) Кружка Георгий Петрович Щедровицкий (1929-1994), которого ученики между собой с любовью называли ГП.

2. СМД-методология и Антропософия

В течение 40 лет он со своими учениками развивал независимо от Антропософии теорию мышления, теорию деятельности, теорию мыследеятельности, теорию знания (эпистемологию) и многие другие составные элементы Методологии и основополагающие для всех остальных наук и практик - все то, что завещал доработать своим ученикам Доктор, но сам не мог осуществить при жизни, ибо по его словам, его *жизненная задача лежала, прежде всего, в области оккультного*.

И точно так же, как любая антропософская инициатива (Вальдорфская педагогика, биодинамика и т.д.) является вне-мировоззренческой и обращенной на внешний мир (а не на антропософов), - из СМД-методологии проистекла мощнейшая социальная практика в форме Организационно-деятельностных игр (ОДИ), которые вне мировоззрений и идеологий были направлены на внешний мир, на решение его животрепещущих проблем.

Обратим внимание, что это было еще стоящее в памяти советское время, так что сама СМД-методология требовала не только мощного развития мышления, но и социальной отваги. Поэтому она была отнюдь не общедоступной и даже переживалась своими последователями как эзотерическая. Но ее социальная практика никогда ни у кого не ассоциировалась с чем-то сектантским.

Платоники и аристотелики выполнили свои задачи в той степени, в какой это вообще возможно без участия друг друга в своей работе. Но вот снова наступило время синтеза, они снова должны были встретиться, но уже не в рамках одного учения, а, по меньшей мере, двух: Антропософии и СМД-методологии.

На этот раз даже конфликта не получилось: полная обоюдная слепота и глухота. Каждый переживает свое учение настолько всеобъемлющим и самодостаточным, что ему и помыслить было невозможно, что может быть еще какое-то другое учение, близкое по значению и глубине.

Для более глубокого понимания своего времени Доктор советовал пристальнее взглянуть даже в те физические (внешние) события, которые происходили в мире; и они, пусть не каждое по отдельности, но в своей совокупности дадут характеристику происходящего. Вглядываясь с интересующей нас точки зрения в 90-е годы ушедшего века, мы явственно видим новую возможность кармической встречи платоников и аристотеликов

Она была заложена тогда, когда в ближайший круг учеников ГП попадает Анатолий Пинский, вернее, даже когда он покидает Методологию, чтобы, занявшись изучением Антропософии и вальдорфской педагогики, вскоре основать первую в России Вальдорфскую школу.

Трагическая судьба вальдорфской педагогики в России заключалась в том, что Анатолий Пинский, участвуя в базовом методологическом семинаре и даже во многих ОДИ по образованию, - уж кто как не он мог проводить создание школы организационно-методически и методологически обеспеченно. Это значит, в соответствии с законами и конкретными импульсами Духовного мира и в свободе - собственной и своих сотрудников.

Как известно, все произошло наоборот: в разрушающих саму вальдорфскую идею компромиссах антропософской и советской (постсоветской) администрации, что, по большому счету, щупальца одного спрута. Это спрут задушил свободную духовную жизнь в первой Вальдорфской школе, а затем поставил ее фламаном вальдорфской педагогики в России и в целом сделал с ней то же самое. Не говоря уже о том, что все это привело к преждевременному трагическому уходу самого Анатолия Пинского.

Другая трагедия и в том, что хотя уход из методологии в Вальдорфскую педагогику не был совсем уж "тихим": Пинский дал интервью в главном методологическом журнале "Кентавр" в статье: "То, что я искал в методологии, я нашел у вальдорфцев", но этот материал не вызвал никакого резонанса в методологическом сообществе.

Так не произошла своевременная встреча и Методологии с Антропософией, что на сегодняшний день оставило Методологию в полной рассудочной склеротизации, а методологическую практику пришлось выставить на продажу. Великий и бесценный дар Духовного мира после смерти ГП остался бесхозным, и сегодня согбенно обслуживает власть и финансы.

А вместо восстановления связи с Духовным миром и полного возвращения *блудного сына* имели место лишь жалкие любительские поиски духовности со стороны некоторых методологических адептов.

Конечно же, самый совершенный методологический инструментарий не может заменить антропософский метод духовного познания. Здесь как раз уже нужно было с правильной стороны покинуть область чистого мышления, но об этом даже понятия не имели.

Хотя в тот момент таковая здоровая тенденция имелась, поскольку в это же время (1991 г.), в силу динамики своего внутреннего развития, СМД-методология направляет самое пристальное внимание в сторону темы **сознания**, которая, очевидно, лежит за пределами чистого мышления, а значит и не в компетенции Методологии. Зато это основная тема

Духовной науки, которая даже эволюцию мира рассматривает как *ступени сознания*.

В СМД-методологии же тема сознания была почти что табу, поскольку во главу угла ставилась разработка понятия мышления, а также понятия деятельности, которая как и мышление признавалась субстанциональной, т.е. независимой от сознания, "саждающей" на человеческий материал. Еще раз подчеркнем, что здесь полное сродство с Антропософией: мышление и деятельность полагались первичными по отношению к сознанию; а попытки науки выводить их из деятельности сознания уничтожительно назывались упадочным психологизмом - поэтому сознание как причину мышления и деятельности нечего изучать!

Тем не менее, в этом вопросе надо было поставить точки над "i", и он стал темой третьего Методологического съезда, материалы которого опубликованы в том же номере журнала, что и интервью Пинского.

Впрочем, еще на первом Методологическом съезде в своем главном докладе ГП фактически легитимизировал софийный подход в резких однозначных словах: "Тезис восьмой. Я ссылаюсь на Карла Поппера и сказал, что его принцип самостоятельного существования идеальных содержаний и сущностей отнюдь не смешон и не представляет собой идеалистической ошибки, а есть принцип жизненно важный, без которого развивать мышление и деятельность нельзя. Надо понять, что реально существуют сущности или идеальные содержания, и это есть подлинный мир, а мир феноменальный - мир проявлений - есть, по сути дела, эпифеноменальный. Без понимания этого, с моей точки зрения, нельзя обеспечить не только перестройку и нормальное культурное развитие, но даже решение житейских дел. Люди, которые не понимают этого принципа - что сущности *реальны*, и жить надо принципиально: ориентироваться на эти сущности, а не на социальную ситуацию - ничего не могут сделать". Так что, если бы Антропософия была бы *увидена* методологическим сообществом, то она не была бы отвергнута, - об этом говорит общность основополагающих подходов.

Но торжествует слепота, причем обоюдная, поскольку уже в антропософском стане появляется книга А. Пинского "Пайдейя", в которой помещены очень талантливо и с душой написанные его воспоминания о Г.П. Щедровицком - и *здесь* никакого интереса.

Т.о. антропософы вполне могли бы узнать о Методологии, что давало шанс избежать столь методологически безграмотной организации и последующей деятельности РАО. Но для того, чтобы о чем-то узнать, нужно иметь по отношению к этому живой вопрос. Вместо этого ведь гораздо проще довериться авторитету возвышающихся со сцены самоуверенных фигур представителей Форштанда и генеральных секретарей. Зачем нужна еще какая-то Методология, когда "старшие товарищи" и так знают ЧТО ДЕЛАТЬ?

3. Методология и стратегия

В возникшей "переписке с читателями", что уже можно расценивать как эпохальное событие, Геннадий Бондарев написал: "Не следует пугаться научности слова "методология". Ее, попросту говоря, можно понимать как методическую *стратегию*".

И все же, никак нет! Методология, методика и стратегия - это три принципиально различных понятия, хотя в этой мельком брошенной незначительной реплике содержится гениальная догадка на самую новую и актуальную постановку вопроса - вместо пресловутого ЧТО ДЕЛАТЬ?

Например, вопрос может звучать так: КАКОВА СТРАТЕГИЯ дальнейшего движения?

Это в полный рост ставит вопрос о понятии стратегии и *стратегирования*, чем подробно мы займемся ниже в соответствующем месте.

Сегодня занимаются стратегией все, кому не лень: в менеджменте и в организационном консультировании, в политике и политехнологиях. Но такой пошлости, уплощенности и примитивизма это понятие еще не знало (впрочем, это можно отнести и ко всему остальному в современной Филистерии). А ведь оно восходит к одухотворенной древнегреческой культуре, когда все имело сакральный смысл, и даже войны были священными.

Допустим, что стратеги - это не просто великие полководцы, но те, кто *творил историю* и перекраивал карту мира по воле богов.

Так что, если мыслить методологически, то понятие стратегии нужно, прежде всего, привести в связь с понятием войны (но не в современном сатанинском смысле, а в древнем, сакральном); затем сделать актуальное для сегодняшнего дня разведение понятий *Игра как образ жизни* (что в здоровом духе гессевской Касталии предлагает и обеспечивает Методология) и *Война как образ жизни*, к чему сведена повседневная бездуховная жизнь во всех ее сферах.

Точно так же, как в связь с Методологией приведена Игра, так в связь со Стратегией можно привести Мир, опять-таки, понимая его небанально, не в пацифистском смысле, а прежде всего, как категорию душевной жизни - вплоть до Христовы: *Мир вам!*

Да, сакральный смысл стратегии нужно понимать именно как *стратегию мира*, культурного мира!

Это сама по себе очень важная тема, которая выделилась в 1985 г. в отдельную инициативу под названием "Неделя мира". И поскольку практический интерес к этому вопросу иногда становится буквально вопросом *жизни и смерти*, то это уже требует не только методического, но уже методологического обеспечения. Видимо, именно поэтому данная тема создала почву, чтобы несколько лет назад произошла именно в этой инициативе долгожданная встреча Антропософии с Методологией.

Стратегию мира лучше всего иллюстрирует пример Александра Великого, персоне которого Доктор уделял особое внимание: "Теперь вы можете оценить решение, которое Александр принял в своей душе: вернуть Востоку утраченное, вернуть хотя бы в той форме, в какой оно сохранялось в Греции, - в призрачной, теневой картине. И мы видим, что Александр, осуществляя эту экспедицию, удивительным образом не собирается покорять существующие культуры, не старается привить Востоку эллинизм в каком-нибудь внешнем смысле. Повсюду, куда бы он ни приходил, Александр Великий не только принимал обычаи страны, но также исходил из помыслов и чаяний людей, обитающих на захваченной им территории. ... Но в первую очередь важен тот факт, что по всей Азии были учреждены большие и малые Академии, в которых в последующие времена сохранялись и изучались труды Аристотеля. ... Мы не встретим более серьезного или более важного прорыва, чем этот. После сожжения Эфеса благодаря предприимчивости Александра был создан план созидания духовного Эфеса".

Это подсказывает и нам стратегию движения: прежде всего, должен быть установлен мир - *культурный мир* - между платониками и аристотеликами, а затем он постепенно сможет быть расширен на все остальные непримиримые противоречия нашей эпохи. Но вначале нужно постараться что-то понять про стратегию мира и вообще про стратегию.

На одной высокоинтеллектуальной тусовке при обсуждении понятия стратегии присутствующий на ней генерал (не свадебный!), чтобы как-то выровнять позиции, изрек: "Я человек простой. И стратегия у меня простая: мне нужно ответить всего на два вопроса: *где мы находимся?* и *куда наступать?*".

Это уже куда лучше, чем просто плоское ЧТО ДЕЛАТЬ?, но предложим более **глубокий** подход: копнув и вглубь тысячелетий, и в понятийную глубину.

4. Где мы находимся?

Огромную работу по осознанию текущего момента симптомологическим методом десятилетиями ведет Геннадий Бондарев. Его более поздние исследования сосредотачиваются на теме Рождественского собрания и доказывают, что ВАО, а из-за него и весь остальной мир, не смогли воспринять этот спасительный импульс Духовного мира, который мог бы одухотворить всю социальную жизнь.

Мы можем также воспользоваться теми подсказками, которые на самом Рождественском Собрании дал Р. Штайнер в своем цикле лекций "Всемирная история в свете Антропософии". Там огненная смерть Гетеанума была приведена в связь с сожжением Эфесского храма.

Там же подчеркивается важное совпадение дат: в день этого деяния Герострата родился Александр Великий.

Сюда примыкает одно открытие, которое было сделано на исследовательском семинаре Армена, посвященном проблеме детей-индиго. Там применялся инновационный метод духовного исследования *интуитивная драма*. На нем немало было понято про новые задачи школы и родителей в связи с приходом на землю душ совершенно иного качества; но внезапно в ходе драмы на первый план вышел конфликт между аристотеликами (с доминирующим душевным элементом мышления) и платониками (с доминирующим душевным элементом чувства).

В ходе разрешения этого конфликта произошло выведение новой фигуры: душевный тип Александра, который получил название *александрики* (с доминирующим душевным элементом воли).

Кармические задачи аристотеликов и платоников проистекают из двух известных вековых духовных традиций, к которым они принадлежат. Здесь можно предположить, что в настоящий момент (это будет обосновано ниже) становится актуальной третья традиция, идущая от Александра Великого, которую можно условно обозначить как духовное течение *стратегов*.

Конечно, выдающиеся стратеги были и задолго до него. Но здесь важна преемственность по линии Платон-Аристотель-Александр и аристотелевская выучка Александра, о которой немало говорил Доктор. Через это видна непосредственная связь Александра как Стратега, действовавшего в эпоху прежнего правления Михаэля, с духовным течением Христа-Михаэля.

В этом смысле понимаемый Стратег - это полководец, имеющий непосредственную инспирацию Мирового Я, а также его *свершающую силу*. Для нынешней ситуации (нового правления Михаэля и в особенности явления Христа в Эфирном) это означает возможность переживания *воления* - высшего сознания, которое едино с миром. "Высшее Я находится в окружении. В каждом человеке есть мое высшее Я, и в каждом человеке, с которым вы встречаетесь, есть ваше высшее Я. Оттуда оно вам что-то говорит. Через него, через другого человека, вы переживаете то, что происходит. Другой человек, в каком-то смысле, - посредник вашего высшего Я. Достигнуть такого отношения к миру, означает: вы нашли свое высшее Я. Оно не внутри находится. Внутри можно найти личность еще более усиленную или других существ. А *высшее Я - это волевое существо, оно состоит из волевой субстанции*".

Вышесказанное имеет значение и в самой повседневной жизни, вплоть до быта: человек может что-либо задумать, затем он может это делать, но СДЕЛАТЬ - уже не в его компетенции, просто обычно это не осознается до тех пор, пока не перестает поучаться.

Делать - сделать - это образ коммуникации индивидуального Я Стратега и Мирового Я.

Пока эволюционно стояла задача развития личности, для того, чтобы человек поверил в себя, Мировое Я приучило человека, что стоит что-либо делать, и оно само собой окажется сделанным.

Во второй половине 20-го века "сделываемость" стала резко падать, что стало переживаться как резкое повышение уровня сложности проблем.

Прежде всего, это сказалось в том, что перестали, как раньше, сами собой приходить в голову идеи как по поводу развития организаций, так и по поводу решения проблемных ситуаций.

Это возвало к жизни Методологию, которая обеспечила всем необходимым инструментарием для сознательного (поволенного) мышления и деятельности.

Фактически через Методологию Мировое Я передало культурно и интеллектуально подготовленному человеку тот арсенал средств и методов, которыми оно раньше это делало **вместо** человека, уча его и готовя к самостоятельной творческой жизни.

5. Куда наступать?

Перелом тысячелетий оказался небанальной арифметической датой: возможность Я-сознания перестает быть мифом и легендой и становится в принципе доступной для непосвященных. Этим утверждается, что практически любой наш современник, достигнув зрелого возраста и приложив известные усилия, может достичь переживания Я, - сначала как проблеска, а затем как нормального дневного состояния сознания.

Об этом уже давно пронохали в разных эзотерических школах сомнительного толка и сектах и пользуются этим на свой лад.

По-видимому, переход от изучения Антропософии к ее осуществлению не может миновать этой внутренней точки *поворота времен* от личностного сознания к индивидуальному Я-сознанию, ибо это и есть рождение Антропоса в скорлупе личностного. И Антропософия по большому счету дана для **него**, а не для личности.

И все же наилучшей школой для сознательного прохождения Порога между я и Я является создание себе ясных и четких представлений о существовании человека благодаря антропософскому познанию.

И как предупреждал Доктор: "Если необученное мышление принесло так много нездорового во внешней науке, то тем больше принесет оно нездоровья в Антропософском Движении, больше, чем через неправильное наблюдение, поскольку здесь интерес многих к сверхчувственным вещам не идет рука об руку со столь же сильным интересом к логическому мышлению", необходимая выучка которому достигается в высшей аристотелевской школе - Методологии.

Если с обретением антропософского познания более-менее понятно, то осуществление Антропософии требует детального рассмотрения. Это связано с такими интенциями как "взять жизнь в свои руки", занять активную жизненную позицию, обрести смысл жизни, жить в Истории, ценить возникающие проблемы как школу мышления и оптимальную возможность развития.

Возвращаясь к глубоко личному переживанию Рождественского собрания, можно огненную гибель Гетеанума можно воспринять в духе Александра. А именно, что исчезновение с физического плана дает возможность *доброму духу Гетеанума* теперь действовать экстерриториально. Не об этом ли говорил Доктор в том знаменательном рождественском курсе лекций: "Гетеанум взят от нас. Но дух Гетеанума, если мы хотим быть прямыми и честными, не может быть взят от нас".

Т.е. Дорнахский холм перестает быть эксклюзивным местом, но при подлинном *александрийском усилении* каждый может его пережить в своем жизненном и географическом месте.

Вдумаемся в некоторые ключевые и трагические эпизоды из жизни Доктора, которые могут приоткрыть завесу над будущим ВАО. Например, когда Ита Вегман спросила его о возможном преемнике, он ничего не ответил и отвернулся. Как

это понимать? Ну, уж точно не как жеманный жест раздосадованного учителя от глупых вопросов любимого ученика. Возможно, в данном случае мы снова имеем "пилатовскую" ситуацию, где ответ на вопрос может дать только сам спрашивающий. Более того, может эта ситуация актуальна и сейчас, и задать подобный вопрос и *не получить* от Доктора ответ может каждый, для кого это жизненно важно.

Если уточнить исторические параллели, то можно сказать, что на этот раз принять духовный поток, рожденный огненной гибелью Храма Антропософии, удостоивается не кто-то избранный, а любой духовно дерзновенный человек, подобно тому, как Александр мечом прокладывает дорогу для духовного Эфеса, ныне Михаэлическим мечом мышления проложить дорогу для духовного Гетеанума в **своей** жизни.

Тогда дело Антропософии хочет реализовываться не в официальных тагунгах, но в индивидуальном бытии человека, осуществляющего в себе Антропоса.

А ВАО обретает совершенно другую роль. Поскольку это не ВАО Рождественского собрания, то оно не в состоянии лелеять и возвращать Антропософию, зато может вполне быть яслями Антропософии для тех, кто лишь в одной из следующих инкарнаций будет готов полной мере осуществить себя как Антропоса.

Можно предположить и еще один аспект особой миссии **такого** ВАО. Как бы ни оскверняли Гетеанум, как бы ни уничтожали его художественные импульсы оккультные бандиты, Камень Основы, о который *преткнется нога супостата*, остается неизблемым. Дракон его заглотнул, да подавился. Иначе бы, наверняка, уже реализовался сюжет "1984", да и 1998 год сказался бы роковым образом.

Теперь вспомним важное указание Доктора о том, что главное - это наличие доброй воли; и какие бы ошибки ни совершались, Духовный мир в конечном итоге исправит пагубный ход вещей; - решающим является, куда клонится воля человека. В случае ВАО, за исключением некоторых явных фигур влияния, большинство дорнахских заседателей, в том числе и сам С.О. Прокофьев, не являются злонамеренными, более того, они являются заложниками всеобщей летаргии. Их участь незавидна: постоянно с хорошей миной балансировать между молотом закулисных кругов - их хозяев, и наковальней Духовного мира, собственной совести и пробужденных антропософов, видящих весь этот гротеск.

Так что весть о том, что дело Р. Штайнера не удалось, несколько преждевременна. Это дело сейчас достигло своей кульминации, и кто слышит *новый* призыв Гетеанума, тот может лично вступить в это дело решающим образом.

Если это так, то это принципиально меняет дело. Вопрос "ЧТО ДЕЛАТЬ?", стоящий в заглавии книги Г.Бондарева, должен быть теперь отнесен не столько к ВАО, которое, вопреки всему, свою задачу как-то неведомо для своих членов выполняет; а непосредственно к Себе, но, конечно же, методологически корректно.

6. Методологическое обеспечение моральной техники

Это означает понимание того, что современные проблемы кажутся такими ужасными и неразрешимыми ввиду их многосложности, а значит, необходимости многоуровневого мышления.

Говоря более методологическим языком, на этом этапе человеку было необходимо, попав в сложную ситуацию, вместо рефлекторного (или манипулятивного), а оттого и плоского ЧТО ДЕЛАТЬ?, ощутить себя не жертвой, а скажем, программистом этой ситуации и осуществить т.н. *процедуру программирования*, которую мы разберем несколькими абзацами ниже.

Само понятие *процедуры* означает, что будут развернуты, причем в строго определенной последовательности, разные *виды мышления*, каждый из которых должен привести к результату, принимаемому за основу следующего шага процедуры.

Конечно, иные капризные платоники тут же увидят в подобной упорядоченности мышления руку Аримана и в страхе отшатнутся. На что следует заметить, что любой страх - это уже влияние Аримана. А кроме того, не всякий порядок является негативным. Что говорить, сам Космос, музыка сфер - если это ариманическое, то здесь Ариман на **своем** месте.

Поэтому, чтобы вести любое конструктивное обсуждение или дело, которые сегодня сложны как запутанный клубок, нужно знать, с какой точки начинать, за какую нитку и когда тянуть. И не делать это *беспорядочно и пестро*, как требует медитация понеделника в отношении речи, иначе клубок запутается еще больше.

В то время как вопрос ЧТО ДЕЛАТЬ? (и соответственно, непосредственное ответвление на него) актуализирует только один вид мышления: не на своем месте и не в своем время, и поэтому только затягивает узел проблем, а не развязывает.

Как было замечено выше, то, что еще позавчера получалось сама собой, у аристотеликов, а вчера - у платоников, сегодня уже само собой **сделано** не будет. В качестве примера разберем одну из базовых процедур СМД-методологии - процедуру программирования.

Прежде всего, научиться делать рефлексивный выход из ситуации, посмотреть на нее (в том числе и на себя) со стороны, спросить в начале себя: а КТО Я? - тот, кто хочет что-то делать. Ответ на этот вопрос называется *самоопределением*.

Затем, обретая себя, когда уже и ситуация будет переживаться совершенно иначе, нужно суметь именно из этого самопереживания, совершенно исключая давление внешних факторов, поставить для этой ситуации собственную цель. Это называется *целеполаганием*.

Лишь когда через постановку собственной цели человек полностью эмансипировался от принуждающего действия на свое мышление, можно начать исследование ситуации. Теперь, поскольку внешние рычаги отсутствуют, человек должен сам активно волею свое мышление. Это достигается благодаря применению мыслительных процедур и называется *ситуационный анализ*.

Для этого исследуются основные факторы, которые задают данную ситуацию, и раскрывается так называемый конфигурактор (архетип), которые их выстраивает в данный узор, подобно тому, как магнит выстраивает железные опилки по силовым линиям своего магнитного поля.

Казалось бы, уж теперь, когда человек понимает сам себя и ситуацию в которой он находится, наконец, можно спросить ЧТО ДЕЛАТЬ? Но нет, даже еще сейчас рано, - начав сейчас делать что попало, человек будет ввергнут в хаос, хотя, конечно, намного меньший, чем если бы начал действовать еще раньше.

Один из важнейших антропософских принципов, который здесь важно поставить на первый план, - это выработка умения *доставить мышление до конца*. В этом залог возможности свободного поступка.

Если перевести методологические термины на язык "Философии свободы", то ситуационный анализ есть ни что иное как *понятийная интуиция* в отношении факторов ситуации и ее конфигурактора. И для того, чтобы создать себе образ действия, обходимо построить идеальный образ имеющейся ситуации, т.е. получить *моральную фантазию*.

Методология располагает необходимым арсеналом процедур, позволяющим построить идеальную ситуацию в соответствии с той целью, которая возникла в результате целеполагания. Эта работа, в отличие от ситуационного анализа, называется *анализ ситуации*.

И лишь теперь мы действительно приближаемся к ответу на вопрос ЧТО ДЕЛАТЬ? Но у него уже вырвано его ядовитое жало борьбы за выживание, принуждения, ужаса перед грядущим. Теперь этот вопрос задается в интенции к предстоящему творческому акту. С точки зрения "Философии свободы" сейчас пришел черед актуализации *моральной техники*.

В методологии это происходит через *проблематизацию*, когда проводится сравнение между собой реальной и идеальной ситуации, выявление трудностей, которые не дают совершить переход от реальной ситуации к идеальной и, наконец, постановка проблемы - обращение выявленных трудностей внутрь и выявление уже внутренних препятствий, мешающих преодолеть выявленные трудности.

Эти внутренние препятствия, собственно, и называются *проблемами*. Они тоже как-то сконфигурированы, так что в отношении их также должно быть проведено исследование и найден их конфигуратор.

Это и значит построить *проблемную ситуацию*. Именно на ее решение будет направлено основное усилие.

Сравним теперь *исходную* ситуацию, в которой стоял вопрос ЧТО ДЕЛАТЬ?, и только что полученную *проблемную* ситуацию. Здесь не просто произошло психотерапевтическое освобождение, изменилась сама субстанция бытия: в реальной жизни произошло то, что Геннадий Бондарев так часто рисует на своих схемах как инволютивный шаг: антропософское выворачивание ситуации. А именно, внешняя ситуация *овнутряется*, а человек из затравленного существа действительно превращается в Антропоса, объемлющего собой ситуацию. Только это уже становится не актом эволюции Антропоса, а актом его реальной жизни.

Тем самым человек решает основную задачу уходящей эпохи - *крепкую выработку личности*, как ее формулировал Доктор, и переходит к развитию Я, что уже, по сути, есть творение. Вот здесь-то и вступает в свои права *стратегирование*.

7. Стратегирование жизни

Этот необычный термин подчеркивает принципиальное отличие от *разработки стратегии*, очень популярной сегодня в западном менеджменте, на что указывалось выше. Под этим понимается банальная разработка стратегических приоритетов и дальнейшее удержание их, что в *принципе* не отличается от проектно-программного подхода.

Стратегирование начинается с ошеломительного и революционного шага - отказа от целеполагания. То, что на предыдущем этапе было важнейшим и вырывало человека из растительного существования, теперь становится упадочным. Вместо целей теперь нерв движения определяют *смыслы*.

В духе диалектики это легко понять - отрицание отрицания, но отнюдь не абстрактный гегелевский метод привел к таким ошеломительным выводам.

Фактически целеполагание есть осознание и легитимизация собственных мотивов, которые на прежнем этапе школы мышления и свободы были решающим фактором развития. Теперь же они должны пониматься как "морковки", которые вывешиваются перед Я, в погоне за которыми оно должно бежать.

Обратим внимание на два ключевых настроения, которые здесь возникают. Первое, когда доминирует искушение во главу угла поставить *результат* (внешний успех). А кто нерезультативен, тот считается *лузером*. Для того, чтобы догнать и схватить "морковку", личность вполне может применять и методологию, но, правда, в духе троянского коня (опасного дара Аримана) - западного менеджмента. Его ядовитые миазмы, к сожалению, полностью захватили методологическую практику и проникли даже в антропософское организационное консультирование.

Другое настроение, когда "Философия свободы" становится жизненной практикой. Оно же было доминирующим при жизни Г.П.Щедровицкого. Здесь, в свою очередь, можно дать две дефиниции: методы, которыми обогащается личность в ходе достижения цели, назовем *продуктами*, а развитие индивидуальности в ходе этого - *плодами*.

Из Духовной науки известна огромная важность сознательных решений человека: из них уже сегодня строится будущий Вулкан; известно также, что результаты не только не обогащают личность, но *"вырывают куски"* из индивидуальности, которые безвозвратно пропадают в восьмой сфере абсолютного Зла.

Поэтому особенно опасно предлагаемое в фильме "Секрет" и во всех остальных дьявольских методиках воспаления силы желаний, их визуализации и *насильного* исполнения (как раз ценой своего духовного первородства - человек, получающий такие дары от Аримана как раз утрачивает качество Сына).

Это определяет следующие жизненные принципы, которые можно рассматривать как практику стратегирования. Предложим два из них, которые видятся сейчас важнейшими.

Чтобы подойти к первому принципу, обратимся к парадоксальному тезису, вытекающему из предыдущего: нет неправильных решений и нечего жалеть о любом принятом решении. Более того, нечего вообще жалеть ни о чем происшедшем, ибо все свершившееся уже принадлежит *Прошлому* и почил в лоне Бога Отца. Это уже есть *данность*, которую принимаем с благоговением.

Если такое настроение облечь в слова, то получим **первый принцип: ЧТО НИ СДЕЛАНО - ВСЕ К ЛУЧШЕМУ!**

Если первый принцип связан с взглядом назад (в прошлое), то второй - помогает сформировать настроение как смотреть вперед (в будущее). Здесь важно отвлечь свое сознание от того потока воли, где рождаются (а если всмотреться пристальнее, то внушаются) желания, имея готовность отвечать исключительно на посылы от Мирового Я.

Когда человек не оглушает себя желаниями, то у младенческого Я начинается сильнейшая депрессия. Прежде чем вступить во взаимодействие с Мировым Я, эта депрессия должна быть преодолена внутренним усилием без вспомогательных опьяняющих средств.

Индивидуальное Я должно приводить себя в гармонию с Мировым Я, что ритме года достигается, например, с помощью "Календаря души".

Такой исключительный настрой на посылы от Мирового Я дает возможность действовать беспредпосылочно, непреднамеренно, не накручивать новую карму и четко и бескомпромиссно отрабатывать старую и не длить то, что умерло.

С точки зрения методологии, речь идет об осознании так называемых *семи сферных процессах*, шесть из которых можно рассматривать попарно: творение - захоронение, производство - воспроизводство, функционирование - развитие, а седьмой как Солнце в гелиоцентрической Солнечной системе стоит в центре - это ОРУ - организация, руководство, управление.

В предыдущем пункте на языке методологии фактически говорилось о том, что для того, чтобы могло происходить творение, должно столь же значительно происходить захоронение прежних отживших форм. Это значит, ничего не делать по инерции, постараться как можно скорее погасить все инерционные процессы, особенно негативные: решительно раздать долги и вынудить из них.

По мере того, как мыслительное и жизненное пространства постепенно расчищаются, возникают новые возможности, которые надо энергично использовать.

В мыслительном пространстве, оглядываясь назад, стоит теперь совершить труд, производимый в древности исключительно пророками, получавшими от Бога заповеди.

Т.е. вместо того, чтобы решить для себя ЧТО ДЕЛАТЬ?, индивидуальное Я получает интуиции от Мирового Я о том, где в жизненном поле заканчивается его "юрисдикция". Это и значит, что постигается ЧТО НЕ ДЕЛАТЬ?

Эти ограничения не переживаются как нечто стесняющее свободу, поскольку, во-первых, воспринимаются в идеальной творческой деятельности, т.е. уже в свободе, а во-вторых, они, как красные флажки, ограничивают пропасть, в которую Я никак не хочет ухнуть.

Самое же главное, что эти заповеди носят не предписывающий характер. Чем моральные заповеди любой истинной

религии отличаются от Кодекса строителя коммунизма, - тем, что тоталитарное государство давало предписания, хотя уже достижением в свое время прогрессивного римского права был принцип: *что не запрещено, то разрешено*.

Конечно, несмотря на все приведенные аргументы, вышеописанная жизненная позиция, когда усилия главным образом направлены на познание и осуществление того ЧТО НЕ ДЕЛАТЬ? может показаться слишком пассивной, уловкой "премудрого пескаря", слишком похожей на ту, в которой и так находится большинство членов ВАО.

И все же это не сон, а напряженное внутреннее бодрствование, алхимическое *Великое Делание* в недеянии, которое целиком оставляет за Мировым Я внешнее пространство и прерогативу внести в него свое предложение ЧТО ДЕЛАТЬ! - если у человека хватит доверия к мировому Я ограничиться тем, чтобы выполнить познанное как то, ЧТО НЕ ДЕЛАТЬ! Так Обломов, как представитель будущей культурной эпохи, **отказал** необоснованному призыву действовать, идущему от представителя ариманизированной настоящей культурной эпохи. Так и следует понимать *диван* Обломова (и *печь* Ильи Муромца) - как место колоссальной внутренней активности, не растрчиваемой на внешнюю суету и показуху.

Словно играя с первым принципом, мы окончательно ликвидируем злосчастный вопрос ЧТО ДЕЛАТЬ? через **второй принцип: ЧТО НЕ СДЕЛАНО, ТО К ЛУЧШЕМУ!**

Заключение

Предлагаемое эссе не является изречением абсолютной истины, после которой уже и сказать нечего. Наоборот, оно не хочет остаться неувиденным, неслышанным гласом вопиющего в пустыне. Данное эссе хочет стать ни много, ни мало, эссе *homo*, оно хочет говорить! Как уже было подчеркнуто в начале, для кого-то оно является приглашением к разговору, а для кого-то и брошенной перчаткой, правда, в нем содержится и предложение о правилах дуэли, которая, чтобы быть продуктивной, непременно должна быть методологически обеспечена, т.е. быть мыслекоммуникацией. И эти приведенные ниже правила также не являются догмой: они обсуждаемы, дополняемы и оспариваемы до тех пор, пока не будет предложено что-то лучшее, или их благость не станет очевидной. Для начала можно предложить всего два правила, а затем **сама** жизнь предъявит свои требования к остальным.

Первое правило мыслекоммуникации заключается в том, что все выдвигаемое содержание не должно быть нерелефлексивным *потоком сознания*, а осознанной *позицией*. Это значит, что вначале происходит обоснование своей точки зрения посредством самоопределения, и т.о. не только мыслится содержание, но и способ (метод) его получения. Т.о. мышление происходит в двух плоскостях: содержательной и методической (в СМД-методологии эти плоскости называются *онтологической* и *оределяющей*).

Второе правило касается отношения к мыследеятельности оппонента: относиться не только к содержанию, но и к его позиции (и снова, *обдумай ЧТО?, но более обдумай КАК?*). Перед тем, как оппонировать (возражать, опровергать) высказанное им содержание, уточнить, насколько правильно оно услышано и понято.

Тогда мыслекоммуникация сможет возвыситься до уровня *исторического диалога*, не только обогащая своих участников, но и пресуществляя реальность, лежащую в основе взятой темы.

Примечание

В тексте важнейшие смысловые ударения выделены **жирно**, а ключевые термины и игра смыслов - *курсивом*.

Литература

1. С.О. Прокофьев. Пророческая былина «Как Святые горы выпустили из каменных пещер своих русских могучих богатырей» в антропософском рассмотрении
2. Г.А. Бондарев. Что делать?
3. Г.А. Бондарев. Рождественское Собрание в изменившихся условиях нового времени 1923 - 2005
4. Г.А. Бондарев. "Философия свободы" Рудольфа Штайнера как основание логики созерцающего мышления. Религия мыслящей воли. Органон современной культурной эпохи.
5. Р. Штайнер. Истина и наука
6. Р. Штайнер. Очерк теории познания гетевского мировоззрения
7. Р. Штайнер. Основы теории познания ПСС 52
8. Р. Штайнер. Философии свободы
9. Р. Штайнер. Как достигнуть познания высших миров
10. Г.А. Бондарев Рождественское Собрание в изменившихся условиях нового времени 1923 - 2005
11. Р. Штайнер Эзотерические рассмотрения кармических взаимосвязей, Том 6.
12. К. Кениг. Человек в Кемпхилле
13. Б. Ливехуд. Динамическое развитие предприятия
14. Б. Ливехуд. Человек в сообществе
15. Г.П. Щедровицкий. Я всегда был идеалистом
16. С.В. Наумов. Организационно-деятельностная игра
17. Розин В. Сообщество было явно эзотерическим, Методологический альманах "Кентавр" №2/1991 г. .
18. В. Загвоздкин Анатолий Аркадьевич Пинский
19. А. Пинский. То, что я искал в методологии, я нашел у вальдорфцев
20. Р. Штайнер. Очерк тайноведения
21. Г.П. Щедровицкий. Три сознания
22. Г.П. Щедровицкий. Перспективы и программы развития СМД-методологии
23. А. Пинский. Воспоминания о Г.П. Щедровицком
24. Сайт БДН переписка с Г. Бондаревым
25. Г.П. Щедровицкий. Перспективы и программы развития СМД-методологии
26. Г. Гессе. Игра в бисер
27. Армен Тыугу. Неделя мира
28. Р. Штайнер. Всемирная история в свете антропософии ПСС 233
29. См. труды Г. Бондарева на сайте БДН и переписку с ним - там же.
30. К. Аристова. Интуитивная драма
31. Армен Тыугу. Чувство жизни, радость жизни и смысл жизни
32. Г.А. Бондарев. Антропософия на скрещении оккультно-политических течений современности
33. Г. Буххард. Взять жизнь в свои руки
34. Р. Штайнер. Гетеанум как средоточие Антропософского Общества" (ИПН. 260, С. 30)
35. Д. Орвелл. 1984

36. Г.П. Щедровицкий. Концепция программирования
 37. Р. Штайнер. Наставления для эзотерического ученичества
 38. Г.П. Щедровицкий. На досках

Приложение

Из ответа Г.А. Бондарева на форуме "Библиотека духовной науки"

Как Вы видите последовательность и метод изучения содержания антропософии в научном духе (если Вы согласны с такой постановкой)?

В этом пространно поставленном вопросе можно вопросительные предложения сделать утвердительными и они послужат уже ответом. К этому я мог бы добавить следующее. Рудольф Штайнер называл Антропософию Духовной наукой. Это значит, что Антропософия полностью отвечает всем современным критериям научности. Но кроме того, ее критерии и шире и значительнее и, и конечно сложнее тех критериев. Она как бы двойная наука. Ее монизм охватывает двойную чувственно-сверхчувственную реальность. И каждую усложненную реальность призван познавать антропософ.

Общеизвестно, что всякая сложная система научного познания имеет собственную методологию. Имеет ее конечно и антропософия. Лишь методологически организованное познание может быть научным. Такова аксиома науки.

Не следует пугаться научности слова «методология». Ее, попросту говоря, можно понимать как методическую стратегию. Т.е. как умение организуя свое познание непротиворечиво сочетать разные научные методы, методики, не упустив при этом ничего ценного.

Поясним это простым примером. Чтобы стать инженером, нужно изучать математику, физику, механику, определенную отрасль промышленности, экономику. Если во всем этом ограничиться лишь методами познания в физике, то получится абсурд. А чтобы в профессии на практике сочетать математику с экономикой, с менеджментом и проч., нужно стать несколько творческим, владеть методологией, не забывать об общих принципах, законах, на которые опираешь свое познание и жизнь.

Рудольф Штайнер дал в Антропософии гигантскую методологию, призванную обновить всю цивилизацию, во всех ее факторах, т.е. до основания метаморфизировать ее. И в этом состоит главное достоинство антропософии. Однако на практике сложилось так, что люди считающие себя антропософами, об этом не знают и не хотят знать. Частично с этим считаются те, кто работают в «инициативах»: медицине, вальдорфских школах, сельском хозяйстве. Однако всеобщей методологией Антропософии не интересуются и они. Так это было и во времена Рудольфа Штайнера. Было много «окультистов» и мало ученых науки о Духе. Много страданий доставляло это ему (Рудольфу Штайнеру). Сотни раз он объяснял, призывал увидеть, понять что он дает науку об единой чувственно-сверхчувственной реальности. Что даже посвященный в новое время – это в первую очередь методолог, а не ясновидящий. Что мир, цивилизация ждет от антропософов фундаментальной научности, а не рассказов о том, что есть астральное тело, или кто в кого перевоплощался. Но его как бы в этом и не слышали. Поэтому он писал Марии Яковлевне Штайнер, что одна лишь она понимает его.

Но Рудольф Штайнер не только страдал, но и боролся. И его борьбу должны продолжить мы. Мы должны понять, что просто чтение антропософских текстов – это только первый, хотя и совершенно необходимый, этап работы. А далее нужно овладеть методологией, что делает антропософа исследователем, а не собирателем разрозненных элементов знания.

С чего следует рано или поздно, но по-настоящему начать работать с Антропософией?

Мы знаем, что Рудольф Штайнер, создал высшую школу Духовной науки. Номинально она существует по сей день. Многие с гордостью считают себя ее членами. Но тут нужно стать реалистом. Нужно спросить себя так: во внешнем мире тоже существует Высшая школа. Чтобы попасть в нее нужно пройти начальную (среднюю) школу. А у нас в Антропософии начальная школа есть? Отовсюду можно услышать – Нет, ее нету. У нас сразу можно стать профессором и академиком – членом Высшей школы. Но если это так, то как можно серьезно к такой Высшей школе относиться?

Относиться к ней нужно серьезно, и даже очень серьезно. А для этого каждому следует задуматься над вопросом: «Какова наша начальная школа и как нам ее пройти?»

Рудольф Штайнер говорил: подлинным антропософом является человек, способный в любом возрасте усадить себя на школьную скамью. Заметим: школьную, а не университетскую. Русским, так он совсем категорично советовал (см. у А. Белого) - Руки по швам! За парту и учить алфавит! Алфавит Духовной науки, разумеется.

Многие в этом случае вероятно скажут: а я только это и делаю; постоянно читаю циклы. Что ж это очень хорошо. Это необходимо в любом случае. Однако подумает о том, что означает для ребенка сесть за школьную скамью.

Ребенок в школе не просто что-то узнает. Он получает воспитание. Процесс познания воспитания. Глубинно изменяет все его существо. Школа для ребенка это его «Сумерки Богов», это «Гибель Волгалы», его группового сознания. Это драма-мистерия его существования. Он утрачивает жизнь своего Духа. Его мозг минерализуется. Он начинает Дух рефлектировать., т.е. отвергать. Да он при этом становится личностью, но и совсем другим существом.

Нечто подобное должен пройти и взрослый антропософ в начальной школе антропософии. Он должен метаморфизировать себя в обратную сторону. Стать вновь ребенком, но сохраняя индивидуальность. Он должен от рефлексии вновь прийти к живому мышлению и для этого метаморфизировать себя как видовое образование.

Начальная школа Антропософии имеет три класса. 1 – методологический. Во втором необходимо овладеть языком эзотерики, на котором говорили в Мистериях. На котором написан Апокалипсис. В Антропософии это язык восходит к школе пифагорейцев. На нем разговаривали розенкрейцеры. С помощью лишь языка понятий многое в нашей методологии и в содержании Антропософии трудно выразить.

Для краткости скажу, что в моей работе с методологией, этот язык эзотерики, читатель моих книг встречает в рисунках. (Потому их так много.) В них сказано больше чем на языке понятий. Наконец в третьем классе необходимо практически овладеть созерцающей силой суждения, начать мыслить воспритийно, предельно воспринимая понятия из объекта восприятия.

Школа Антропософии не требует никакой формализации. Она может осуществлять себя в одном человеке, в двух, в 30-40. Поскольку мы тут стоим в самом начале, то мы можем также существенно помогать друг другу в процессе совместного обучения. Такая начальная школа должна существовать во всех наших сообществах. Тогда прекратятся распри, борьба эгоизмов. Все окажутся заняты серьезным делом. Склоки же часто идут от безделья. Мы прекратим топтаться на месте. Мы наверстаем упущенное нашими предшественниками. Мы разоведем «эзотерику снизу» (см. нашу работу, «Рождественское собрание 1923-2005»)

В цикле моих методологических работ, я предпринял первую попытку систематически описать методологию Рудольфа Штайнера. В них могут находить много недостатков. Ведь это первая попытка. Но я надеюсь, что эта работа будет подхвачена другими, сделана лучше, и подвинется дальше. А пока хотелось бы заинтересовать других тем, что уже открыто.

Что кажется кому-то сложным, можно популяризировать, выразить иными способами. Мы повторяю находимся в самом начале, соприкасаясь с сущностным ядром Антропософии.

